

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 97 (3753)

Вторник, 13 августа 1957 г.

Цена 40 коп.

ДАВНО ЛИ с жадным вниманием следили мы по географическим картам за путьми-дорогами наших друзей, спешивших со всех континентов земного шара на Московский фестиваль. Давно ли на фронтонах вокзалов и аэропортов Москвы азели приветственные надписи «Добро пожаловать!».

Тогда, в пору радостного ожидания гостей, мы еще не знали в лицо ни австралийского горниста Артура Кэмпбелла, ни американского студента Айвина Джубса, ни бетонщика из Сирии Мухамеда Абада, ни марсельского докера Армана Раймона, ни новозеландского лесоруба Бернарда Хорнфика, ни египтянку Намму Акеф... Мы знали одно — к нам едут близкие, дорогие люди, скоро мы почувствуем тепло из их рук, услышим их взволнованную речь, насладимся их самобытным национальным искусством.

Две недели фестиваля прошли, как в сказке, — в чающем огне праздников, в кремлевских балах, кострах дружбы, в пестроте шумных и веселых карнавалов, в средоточенных обсуждениях дискуссионных литературных вопросов, в танцах, в музыке и, конечно, в сердчных беседах о молодости и ее правах, о ее силе, готовой остановить мир.

И вот на фронтонах вокзалов и аэропортов появились новые надписи — «Счастливого пути!». Москва провожает гостей. И снова мы стоим на карте — в обратный путь уезжают друзья. Теперь мы знаем не только их лица, но имена и сердца тех, кто с борта корабля будет задумчиво смотреть в синюю даль океана, кто с радостным возбуждением станет рассказывать о фестивале соседям по куку в поезде и в селениях раскаленной Африки.

«Что я расскажу о фестивале? — переспросила меня девушка из Черной Африки. — Это сказка!» — «Да, да! Сказка!» — подхватил ее ответ юный чех.

Именно так и говорили мы о фестивале китайцы и датчане, австралийцы и англичане. Все показалось им необычным и сказочным — и многоцветное обрамление Москвы, и светлые прожекторные шатры в высоком небе, и первенцы белых, зеленых, алых и золотых огней в реке, фонтанах и прудах, и многоцветное ощущение радостного гостеприимства московичей, единения юности всех стран, общий язык в дружбе и искусстве, и общность интересов писателей и шахтеров, додекор и музыкантов. Разве все это не есть реальная сказка XX века? Разве не ощущали мы волеество то, что признается невозможным иными государственными деятелями — плечом к плечу в колоннах фестивалях, или американцы и китайцы, белые и черные, немцы, живущие в Восточной Германии, и немцы, прибывшие из Западной Германии? Разве не открылся во всей своей ярко-

стии фестиваль и плющи, — все направились на прощальный вечер — туда, к излучине Москвы-реки, где над Ленинским гордом возвышается белокаменная громада Дворца науки, а напротив нее, в Лужниках, раскинулся златый огненный город спорта.

Взошла луна: аэростаты подняли в небо гигантскую эмблему фестиваля и белого голубя. Проекторы скрестили в зените голубятные лучи, и в их струящемся свете заколыхались эмблемы всех стран. Знамена были и на трибунах — их принесли с собой делегаты. Теперь участники фестиваля сидели одной другой семьей — две недели сблизили их, объединили.

По стадиону прокатывается волна продолжительных аплодисментов. Это собравшиеся встречаются товарищей А. Б. Аристова, М. А. Суслова, Е. А. Фурцеву, Я. Э. Калиберзина, А. Н. Косыгина.

Вышли в светлых костюмах музыканты и встали у восточной трибуны. К гигантскому цветку — эмблеме фестиваля, — установленному

ГЛАШАТАИ ИДЕЙ ФЕСТИВАЛЯ

стти мудрый ленинский закон, что все люди на планете могут и должны жить в мире, что различия в политических убеждениях, верованиях, взглядах на литературу и искусство не должны мешать сосуществованию разных социальных систем!

Был первый день фестиваля — его открытие, и пришел день расставания. Накануне, в субботу, помагистрам, Москву хлынул искрящийся веселей, шумливый, яркий карнавал. А воскресенье, с утра, сама природа постаралась придать земле и небу ту мягкую расцветку, то очарование, которым так пленяет наступающую русскую осень.

Смуглые руки на заре срывали алые грозды ягоды в Останкинском парке — на память, на долгую память о Москве. Суданец Мухаммад Хан Ибрагим склонился и взял горсть московской земли — тоже на память. Китайский машинист Ю Шань-у покупал открытки и значки. Владелец автобуса из Коломбо Эдмонт Алагаванна считал автографы. И так в каждом «фестивальном городе» — каждый делегат спешил собрать сувениры, автографы, сделав последние снимки.

К вечеру опустели гостиницы, проспекты и площади, — все направились на прощальный вечер — туда, к излучине Москвы-реки, где над Ленинским гордом возвышается белокаменная громада Дворца науки, а напротив нее, в Лужниках, раскинулся златый огненный город спорта.

В 10 часов вечера опустился зеленый ковер стадиона — ушли музыканты и знаменосцы. В лунном свете, заполнившем бетонный кратер, лавиной огня хлынули звезды. Тысячи девушки-спортсменов выбегают с флагами — искрящимися блузами, и в стремительном, бурном темпе исполняют фантастический танец. Видны только огни — живые, веселые, смеющиеся. Они то кружатся, то взлетают, то пляшут, то смело склоняются, чтобы в следующее мгновение опешомить крылатым полетом. И все это происходит на фоне восточной трибуны, залитой фосфоресцирующим неземным светом.

Сейчас эти люминисцентные волшебные огни — только фон, но едва исчезает лавина факелов, он привлекает к себе общее внимание и превращается из фона в доселе невиданное зерно.

Праздник окончен. Но праздник продолжается. Теперь всеобщим вниманием завладели Ленинские горы, где советские пиroteхники блеснули таким искусством, так украсили небо ракетами, искрами, бесконечной гаммой цветов, что стадион пустеет и все идут на набережную Москвы-реки, где ночь сменяла фейерверочный день, где извергаются водопады огней, где бьют красные, и зеленые, и золотые фонтаны света.

Прошла полночь. Облокотившись о гранитный парапет, стоят, задумавшись о своем будущем, китайцы и австралийцы, негры из Черной Африки и аргентинцы, чехи и болгары. Они смотрят на Москву-реку, которую называли рекой Счастья, смотрят на высоко поднятые аэростаты эмблему фестиваля и белого голубя мира. Пусть всегда им в жизни сопутствуют огни фестиваля, и пусть они — глашатаи правды о фестивале — разнесут по всему миру честный рассказ о том, как пятидесятадней и пятидесятадней ночью земли жили в том дружном и светлом единстве, о котором мечтают люди труда, все народы. Счастливого пути, друзья!

Е. РЯБЧИКОВ

...Прошла полночь. Облокотившись о гранитный парапет, стоят, задумавшись о своем будущем, китайцы и австралийцы, негры из Черной Африки и аргентинцы, чехи и болгары. Они смотрят на Москву-реку, которую называли рекой Счастья, смотрят на высоко поднятые аэростаты эмблему фестиваля и белого голубя мира. Пусть всегда им в жизни сопутствуют огни фестиваля, и пусть они — глашатаи правды о фестивале — разнесут по всему миру честный рассказ о том, как пятидесятадней и пятидесятадней ночью земли жили в том дружном и светлом единстве, о котором мечтают люди труда, все народы. Счастливого пути, друзья!

Е. РЯБЧИКОВ

Школьником Прейслер попал в арию, а оттуда — в белгийский плен. То, что он увидел, вернувшись домой, в родном Котбусе, поразило его. На востоке Германии строили новую, справедливую, разумную жизнь. Всезе нужны были люди. Прейслер пошел доучиваться, а потом сам стал учителем в начальной школе. В эти годы он упорно работал над поэмой. Она называлась «Голоса мертвых». В ней посмертно исповедовались люди, физически и нравственно замученные фашизмом. Повествует о героях прием объясняется очень просто: немцы ГДР знают, что советский народ желает им только добра, что усилия Советского Союза направлены на избавление мира, следовательно, и Германии от угрозы новой войны. Какой разительный контраст по сравнению с отношением к Германии заокеанским монополистам! Для них Германия — чумная земля, а немецкий народ — чужой народ, которым они готовы равнодушно, как вязкой хвороста, разжечь пожар новой мировой войны.

«Немецкий крестьянин Хорст Шмидт и его невеста Хельга из села Тринвильсаген, конечно, будут среди тех, кто никогда не забудет памятных дней визита гостей из Москвы. Ещё бы, ведь члены Партийно-правительственной делегации побывали у них на свадьбе и поздравили новобрачных. Задумываясь над своим будущим, Хорст и Хельга могут с полным основанием рассматривать это как добре предзначение и для своей дальнейшей жизни, и для судьбы своих будущих детей. Ведь поездка советских руководителей в ГДР способствует делу укрепления дружбы между нашими странами, а как отметил товарищ Хрущев, «будет дружба между советским и немецким народами, не будет войны».

Лев ГИНЗБУРГ

Ночь...
И одни лишь виселицы в Германии уцелели...
Призраки смерти прятались, ночь уползала в щели. Это было — коном, в этом было — начало: юность впервые вышла из темноты подвала.
Время сурово поставило вопрос перед молодежью: что называется правдой, что именуется правдой?..
Рукою зло.

По дорогам земли

ЭТИ СЛОВА из прекрасного французского фильма, рассказывающего о дружбе и солидарности простых людей, часто вспоминались в дни фестиваля. Если парни и девушки всего мира объединят свои силы в борьбе за мир, если искусство и литература будут верно служить великой задаче сближения народов, укреплению дружбы и взаимопонимания, то никаким силам зла не удастся одержать верх.

Что вы думаете о Московском фестивале? Как представляете себе роль искусства и литературы в борьбе за мир? С этими вопросами мы обратились к ряду участников и почетных гостей VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, журналистов и писателей, музыкантов и общественных деятелей различных стран.

◆

Игорь МОИСЕЕВ,
народный артист СССР

МНЕ, человеку искусства, кажется, что самая большая сила объединять сердца дана художественно-музыкальной творчеству.

Подтверждение тому мы находим в буквально на каждом шагу, в каждый день фестиваля. Мне выпала честь быть президентом жюри международного конкурса народного танца. Конечно, как профессионал, я радовался и гордился действительно выдающимися успехами моих юных коллег, будь то выдающиеся успехи из вьетнамского коллектива, исполнявшего прелестный «Танец Самбуком», или танцовщицы всех своим артистизмом, баски или шотландцы, мастера русской пляски или чехи, румыны и югославы с их дивными народными танцами..

Они вспыхивают заветное слово по-русски, на английском, французском, китайском, немецком, испанском языках и на языке хинди. И те же огни в мгновение ока рисуют во весь размах восточной трибуны белокрасную птицу — эмблему мира — голубя.

Звучат фанфары закрытия торжества. Но никто не уходит. Трибуны полны. Тысячи и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пять, и десять, и двадцать минут не покидают трибуны полны. Тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захваченными большим чувством дружбы, хотят продолжить мгновение радости встреч и обещаний, хотят отдохнуть разлуки. Они поют, танцуют, обнимаются, видят, как перемешались их белые, черные и желтые руки, как происходил обмен фланжами, косынками, национальными уборами.

И пятьдесят, и сто, и двести, и тысячи юношей и девушек, очарованных зрелищем, захвачен

ВСТРЕЧИ НА ФЕСТИВАЛЕ

Василий ЗАХАРЧЕНКО Разговор начистоту

«Литературная газета» обратилась к ряду советских писателей с просьбой рассказать об их встречах и наиболее интересных беседах с иностранными писателями. Сегодня продолжаем публиковать полученные ответы.

В ЗАЛЕ Дома ученых встретились молодые писатели, приехавшие на фестиваль. Здесь были французы в смокингах, в крахмальных рубашках, с черными бабочками-галстуками. Вот я вижу одного из них, в золотом пенсне, с золотой, почти чеховской цепочкой. Кстати, цепочка эта и пенсне странно не вяжутся с утонченным обликом литератора.

У стены стояла группа негров, широкоплечих, темноволосых; многие из них были в национальной одежде — в длинных цветных поплуахах, а многие — в европейских костюмах. Один даже в белом пиджаке и тоже с черной бабочкой. Здесь были и писатели из Китая, Кореи...

Алексей Сурков представлял гостям советских писателей, сидевших на сцене и в зале. Он говорил об их биографиях и творческих особенностях.

— Ну что ж, дорогие друзья, — сказал А. Сурков. — Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы еще лучше поговорить друг друга. Я убежден, что у вас будет много вопросов к нам; мы с удовольствием отвечем на любой.

Вопросы, и подчас довольно резкие, посыпались на нас.

— Скажите, пожалуйста, как вы, советские писатели, отноитесь к лозунгу китайских друзей: «Пускай расцветают все цветы», — спросил один из гостей.

Вот отрывок из стенографической записи:

«С точки зрения ботаники мы, советские писатели, — ответил Семен Кирсанов, — чрезвычайно хорошо относимся к тому, чтобы расцветали все цветы, но с точки зрения той же самой ботаники мы, советские писатели, наставляем на том, чтобы расцветали все цветы, кроме ядовитых и кроме цветов, сделанных из воска, пальца-маша и бумаги; такие цветы нам ни к чему». [Смех, аплодисменты в зале].

Вопрос. Почему не присутствуют на вечере авторы и создатели сборника «Литературная Москва»?

А. Сурков. Те, кто знаком с борьбами, могут легко убедиться, что среди представленных гостями писателей немало авторов, напечатавших свои произведения в книге, заинтересовавшей нашего гостя. Присутствуют на вечере и некоторые

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Разговор начистоту

ные члены редакционной коллегии «Литературной Москвы», например Александр Бек. Те из гостей, кто имеет особый интерес, может встретиться с любым автором, выступавшим в сбornoнике.

Вопрос. На каком основании таджикские писатели считают Фирдоуса своим классиком, а сами его мало знают?

А. Сурков. Фирдоус, как и Омар Хайям, писал на языке, общем для таджиков и иранцев, и поэтому оба народа имеют право считать их своими классиками. Наш иранский друг не прав, утверждая, что таджикский народ не знает творчества Фирдоуса. Любой крестьянин-таджик может цитировать его на память.

Вопрос. Что больше всего интересует советских детей?

С. Маршак. Я получаю много писем из разных стран и со всех концов Советской страны, из которых видно, что ждут наши дети: дети хотят знать обо всем на свете.

Вопрос. Правда ли, что одно издательство напечатало роман Дудинцева с целью поправить свои финансовые дела?

А. Софронов. Кто известен, роман «На хлебом едином» был вначале опубликован в журнале «Новый мир» и после этого напечатан в издательстве «Советский писатель». Если бы наши издательства хотели жить за счет этого романа то им пришлось бы пытаться только хлебом едином. [Смех, аплодисменты].

Вопрос. Почему в последнее время появился термин «враги советской литературы»?

А. Сурков. Когда советских писателей критикуют за их слабости, а они есть в каждой литературе, никто на это не обращается. Но когда пытаются убедить, что мы совсем не существуем, это уже не критика. Нельзя же считать дружилы людьми, которые всех нас обзывают поклонниками. Это могут делать только те, кто враждебно настроен к нам.

...Закончилась официальная часть. Ко мне подошла девушка, тонаенская, бледненная, с наивным лицом и с наивным вопросом.

— Скажите, пожалуйста, — спросила она меня по-немецки, — у вас в Советском Союзе изучают или не изучают немецкий классиков?

— Конечно, изучают — и Шиллер, и Гёте, и других классиков, которые составляют славу Германии. Их произведения изучаются в школе, в институтах.

— А мне сказали, что их не изучают, — пронеслась девушка. — Я учусь в Мюнхене на литературном факультете. Я, право, занимаюсь не русской литературой, а литературой

Пленум друзей

Анатолий СОФРОНОВ

ЗАКОНИЛСЯ фестиваль, во время которого у нас было много ярких и интересных встреч с зарубежными профессорами и поэтами. Сегодня, думая о днях, проведенных с иностранными друзьями, я с особым удовольствием вспоминаю нашу поездку по каналу имени Москвы.

...Увидев на речном вокзале в Химках Леонида Леонова, Самуила Маршака, Корнея Чуковского, Леонида Соболева, Алексея Суркова, Максима Танка, Платона Воронко и многих других писателей, кто-то восхитился:

— Неужели очередной пленум решили проводить на воде?

— Нет! Просто советские писатели пригласили с собой на прогулку по каналу зарубежных писателей, приехавших на фестиваль. Впрочем, это все-таки, видимо, пленум, пленум друзей.

— Безусловно, пленум, даже китайцы приехали...

И пароход пошел...

Зеленые берега, песчаные срезы, сильный ветреный ветер. На этом пароходе никому не пришлоось предоставлять слово, не было председателей и не было президиумов. Самы по себе, по душевному влечению, по интересу к литерату-

туре образовывались группы, которым, впрочем, были чужды групповые интессы.

И оказалось, что во всем мире у нас, советских писателей, очень много хороших знакомых и настоящих друзей. Как было приятно пожать руку славному гватемальскому писателю Мигелю Анхелю Астуриасу, голос которого мы впервые услышали в далеком прошлом году на первой конференции писателей стран Азии. Наш приятель еще мало знает Астуриаса, но сейчас передается его книги, в самом ближайшем времени мы узнаем этого мистического писателя.

Очень только не говорилось в каютах и на палубе парохода! Конечно же, решались проблемы художественные... Наши попытки разобраться в вопросах социалистического реализма. Выявлялись моменты расхождения и моменты объединяющие литературы...

С одним столом оказались индийский писатель Закир Саджад и туркменский поэт Кара Сейтилев.

Им не надо было знакомиться они уже давно друг с другом. Памятные встречи в Дели. Соревнования поэтов, выходящих босиком на сцену и читающих свои стихи. Следуя обычаям индийских

литератур на эту тему: они большие знатоки жизни и творчества Чехова. В Болгарии великий писатель, который уже побургнул, Евгений Петрович Тодор Боровски «Чехов и Болгария». Читая эту книгу, я увидел, что почти каждое произведение Чехова передавалось на болгарский язык по несколько раз.

Говоря с польскими друзьями, я воспользовалась случаем передать привет и благодарность поэту Владиславу Броневскому и художнице Ольге Симашковой, которые с большим мастерством и любовью переведут и иллюстрируют мои детские стихи.

Один молодой англичанин подарили мне книгу Джека Линдсея «Русская поэзия 1917 — 1955», изданную в

Болгарии. Писатели заговорили со мною о Чехове. Было приятно беседовать

с этими на эту тему:

они большие знатоки жизн

и творчества Чехова. В

Болгарии великий писатель,

который уже побургнул,

Евгений Петрович Тодор Боровски «Чехов и Болгария». Читая эту книгу, я увидел, что почти каждое произведение Чехова передавалось на болгарский язык по несколько раз.

Говоря с польскими друзьями, я воспользовалась случаем передать привет и благодарность поэту Владиславу Броневскому и художнице Ольге Симашковой, которые с большим мастерством и любовью переведут и иллюстрируют мои детские стихи.

Очень жалко, что не уда

лось по душу побеседовать с китайскими писателями, особенно с детскими, с ко

торыми у нас так много об

щих забор, увлечений и ра

достей. Но я надеюсь, что

для нас, литераторов, фести

валь еще не кончился.

Его не забыто, что сидящий рядом

«Если парни всего мира...»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Иньядио ПИРАСТУ, журналист, член итальянского парламента

С недавно я был с группой туристов во Франции, — сказала девушки, — французы тоже удивлялись: «Откуда вы, русские, — говорили они, — так знаете историю литературы Франции?» И Бельзак, и Стендаль, и Флобер, и Малаксан — любимейшие писатели нашего народа, заметил я. Интересует нас и история Франции. Великая французская революция была во Франции. Парижская Коммуна была тоже там, а мы изучаем историю революционных движений.

— Да, да, да! — девушка сказала, чтобы я поехал в Москву. У-у, как здесь интересно, что все свои деньги буквально я истратил на такси. Я уже был в районе университета, в районе вокзалов, на Пушкинской площади, ходил к памятнику в ноги Александру Сергеевичу. Моя специальность — литературоведение, но я приехал сюда на встречу не ради литературоведения; я хочу увидеть писателей, потому что, — он опустил глаза и чуть взъерошился, — сейчас я заканчиваю свой второй роман...

— Второй! Сколько же вам лет?

— Девятнадцать, нет, уже двадцать. Мои романы — это, конечно, еще детские романы, проба пера, но я в то что бы то ни стало хочу быть литератором, поэтому я и приехал сюда. Очень прошу вас передать советским писателям, что у моего отца сохранилась большая переписка Горького с дедом, Алексеем Максимовичем. Писал маму моему деду, Леониду Андрееву, и я очень хотел бы, чтобы эту переписку опубликовали.

...Во втором часу ночи мы покинули зал Дома ученых. Но беседы продолжались. Итальянский писатель Уго Моретти, широкоплечий, довольно колкий в речах юноша, его жена, очень красивая женщина, тонаенская, высокая, с темным римским профилем, и друг — профессор Нино Лиццетти, захотели покататься по ночной Москве. Мы поехали по ярко освещенным улицам через центр «фестивальным городкам» — за Останкино и всю дорогу говорили о фестивале, о литературе, о встречах, которые помогают писателям лучше понимать друг друга, находить дороги к дружбе, сплочивать свои силы в борьбе за мир.

Итальянское искусство играет существенную роль вближении народов. В самом деле, для сближения необходимо прежде всего лучше узнать друг друга — только такое знание рождает заслуженное уважение.

Я считаю, что подлинное искусство — в самом глубоком смысле этого слова — должно быть национальным, должно опираться на самые глубокие народные традиции. О ком бы ни шла речь — о Чехове или о Беле Бартоке, о Фалье, о Вилья-Лобосе или о Мольере, — мы неизменно убеждаемся, что искусство хорового пения более других видов искусства способствует сближению народов. Это понятно: ведь в пении сливаются народное искусство, национальный фольклор и языки, а участники хоровых коллективов выступают к тому же как живые хранители национальных обычий.

В нашем международном конкурсе участвовали хоровые коллективы. Конкурс показался мне чрезвычайно интересным, и уровень мастерства исполнителей — весьма высоким. Возможно, я ошибаюсь, если скажу, что искусство хорового пения более других видов искусства способствует сближению народов. Всюду я слышу, что «Мысли о мире» — какая славная дружба возникла в Москве! — и дал им возможность обменяться — своими мыслями, а следовательно, лучше понять друг друга.

Если говорить об этом последнем аспекте, то непременно надо сказать об огромном значении Международной выставки изобразительного искусства. Эта выставка, на которой представлено не менее 4 500 работ художников 50 разных стран, чрезвычайно интересна не только своим многообразием, но и своей эстетической ценностью. Ее посетили сотни тысяч людей, в том числе художники молодежи. Выставка вызвала большой интерес и сильные чувства.

В нашем международном конкурсе участвовали хоровые коллективы Франции и Кореи, Болгарии и Советского Союза, Китая, Монголии... Это была волнившаяся символическая встреча представителей разных народов. Всех этих людей объединяет музыка. Они говорили на разных языках, и каждый из них не мог понять слов другого. Их общий языком стала музыка, и музыка помогла им понять друг друга. Так родилась дружба — настоящая дружба между ними.

Я думаю, что было полезно развивать хоровое движение во всех странах мира и чаще устраивать большие международные встречи любителей музыки и пения.

Усиление и расширение культурного обмена между народами будет способствовать духовному обогащению деятелей искусства, а я полагаю, что долг каждого художника перед самим собой состоит в том, чтобы выражать чаяния народа. Именно «застройя» своей мозг путем тренинга о мозги других людей, как сказал Монтец, мы еще ближе подойдем к истине и сможем уверенно эффективно содействовать сближению народов.

Конечно, я хотел бы сказать о фестивале и о советском народе — таком приветливом, доброжелательном, счастливом, народе, влюбленном в мир и полном решимости сознать его. Я ОЧЕНЬ многое хотел бы сказать о фестивале и о советском народе — таком приветливом, доброжелательном, счастливом, народе, влюбленном в мир и полном решимости сознать его.

Фестиваль был прекрасно организован и прошел с большим успехом. Влияние этой встречи будет огромным. Фестиваль не только позволил множеству юношества, но и вдохновил народы на дальнейшее развитие.

Но как бы ни были различия эти взгляды, мне кажется, что фестиваль оставил глубокий след в душе каждого из нас.

Я приехал на VI Всемирный фестиваль молодежи в Москве как член жюри конкурса хоровых коллективов. Конкурс показался мне чрезвычайно интересным, и уровень мастерства исполнителей — весьма высоким. Возможно, я ошибаюсь, если скажу, что искусство хорового пения более других видов искусства способствует сближению народов. Это понятно: ведь в пении сливаются народное искусство, национальный фольклор и языки, а участники хоровых коллективов выступают к тому же как живые хранители национальных обычий.

В нашем международном конкурсе участвовали хоровые коллективы Франции и Кореи, Болгарии и Советского Союза, Китая, Монголии... Это была волнившаяся символическая встреча представителей разных народов. Всех этих людей объединяет музыка. Они говорили на разных языках, и каждый из них не мог понять слов другого. Их общий языком стала музыка, и музыка помогла им понять друг друга.

Если говорить об этом последнем аспекте, то непременно надо сказать об огромном значении Международной выставки изобразительного искусства. Эта выставка, на которой представлено не менее 4 500 работ художников 50 разных стран, чрезвычайно интересна не только своим многообразием, но и своей эстетической ценностью. Ее посетили сотни тысяч людей, в том числе художники молодежи. Выставка вызвала большой интерес и сильные чувства.

Подобные контакты, осуществляемые через посредство искусства, очень полезны для обогащения нашего знания о других народах.

Ион БРАД,

румынский поэт

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

Когда-то кубок медный был
Снарядом пушечным разящим.
Я предстаю, как стремил
Он в воздухе полет свистящий;
Сквозь свет и темень,
Вдаль и вдаль
Летел, как праха пух горящий,
Рождая гибель и печаль.

Когда-то кубок медный был
Снарядом пушечным разящим.
Какой-то парень, подходящим
Его нейда, освободил
От липкой глины
И земли
И, прозевав сведя, блестящим
Поставил в дом — от воян вдали.

Когда-то кубок медный был
Снарядом пушечным разящим;
Потом о мире говорил
Букетом странных, настоящих,
Воздушных лилий,
Роз красой,
Ромашкой чистой, полевой,
Покой и мир полей хранищей.

Я гордо руки тех пою,
Кто отдает свою труж отчизне,
Я спаслю родину мою,
Вас, молодых, холода жизни,
Кто борд и стое,
Кто готов
Взять медь, что смерть несла в бою,
И сделать базу для цветов!

Перевод с румынского К. ЕГОЛИН

Вальтер ВИКТОР,

немецкий поэт

В МОСКВУ!

(Шутка)

В Москве, как знаем мы из книг, когда-то слеп Наполеон, и вел он — грозен и велик — двадцать наций и племен. Когда же потом — в разгар зимы — он из России удирил, он жалок был, как знаем мы, и не велик, а очень мал! И Гитлер, грозный марш труба, вел всю Европу на Москву и победителем себя уже от видел наизу. Но встал советский исполнин, и содрогнувшись наглецы, и сронко дрались в Берлин и свой конец нашли «наци». И вот — идут, идут сейчас в Москву сто сорок разных стран, и блещет им в сияние глаз гостеприимства окон. Здесь бьют непрощенных гостей и встречаются до конца, зато открыты для друзей обятия.

двери
и сердца!
Перевод С. БОЛОТИН

Мигель Ахилье АСТУРИАС,

гватемальский поэт

ПОВОД ДЛЯ РАЗГОВОРА

Благословена ты, мать: воспитала ты сына твердым, прямым, человечным и честным мужичком. В жизнь — побеждать — он уходит из дома. На проводах поговорить о его возвращении есть поздно. Если ты в праздник увидишь: прохожий играет золотом на людях и не идет — выступает, дерзость ли это, богатство или просто везение, — ты не встречай его: может быть, это — не сын твой.

Мать, на дорогу глядишь ты, и сердце в печали. Путник другой над забором встает пред тобою: лавры победные поднятый лоб увенчан, громкое имя и славу принес с собою. Кличок он всех, но слова — боевая тревога... Ценится это высоко, но стоит немного золота, власть этой шлагбаум громкое имя. Ты не встречай его: может быть, это — не сын твой.

Мать, ты услышишь однажды цветов аромат. Серой, задумчивой осени день, день утре... Кто-то тебе позвонит, кто-то скажет: «Сеньора, знатный сенатор на дороге идет, разодет, под руку держит любимицу, знает весь свет, в ясных глазах его трепет морского простора, мад в его чаше, а сладость — как вкус приключений. Ты не встречай его: может быть, это — не сын твой.

Мать, если после обеда, однажды зимой, грязь в токсе у жаровни, внезапно услышишь, сколько бы ветер и дождь ни стучали по крыше; кто-то вошел, кто-то дверь притворил за собой; простоволосый, в руке — инструмент — ремесла, — это тот, кого ты родила.

Сделала ты из него человека, и в жизни Сын твой сумел заработать поденную плату. Перевод О. САВИЧ

Жан Пьер ШАБРОЛЬ,

французский писатель

Шаг, сделанный в Москве

Я НЕ ХОЧУ играть роль старого заседателя фестиваля, однако, быть может, было бы полезно в дни, когда закончилась шестая встреча юности всего мира, привести некоторые сравнения. Я пережил фестивали в Берлине и Бухаресте. Московский фестиваль, мне кажется, отличается от них. И потому, что он проходит в Москве, и потому, что он происходит сейчас. За несколько лет произошли важные изменения в международной обстановке.

Шестой фестиваль был не таким «боискакутским», как предыдущие. Разумеется, были и здесь улыбки, танцы, песни, пестрые kostюмы, косыни и обмен значками, и здесь кричали без конца «Мир и дружба», как провозглашали и в Бухаресте, но этот энтузиазм явился лишь красочным фоном для дискуссий, для общений более серьезных и глубоких. Ничуть не утратив своей привлекательности, красочность и живописность перестали занимать первый план.

На предыдущих фестивалях делегаты были большей частью в основном согласны по самым главным вопросам. Теперь это не так. Это значит, что разногласий стало больше; нет, но делегации стали шире, стали более представительными, отражают больше различных мнений. В Бухаресте встреча молодых французов и молодых вьетнамцев была поистине волнующей, но все французские делегаты были единодушны в своем отношении к «красной войне», эта встреча лишь укрепила их убеждения, лишь придала им новые силы для борьбы, в которую они уже раньше включились. На Московском фестивале не все французские делегаты были согласны между собой по алжирскому вопросу или по проблеме Суэцкого канала. Они так и не пришли к согласию по этим вопросам до последних дней этой международной встречи. Но дискуссии сделали свое дело: аргументы, которые прежде предвзято отмечались, теперь наконец изучаются, и раздумья, которые раньше считались запрещенными, пошли наконец в ход. Быть может, из Москвы приверженцы новых идей не вернутся преисполненными еще большей горячности, но из Москвы вернется больше ясных глаз, меньше замкнутых умов, больше открытых рук.

Конечно, все это — лишь мои личные размышления, которые нахлынули на меня в конце этих двух недель, полных суеток, волнения, ночей, когда спишь всего два часа, полных приемов, банкетов, встреч, конференций, прогулок, сидений, когда все поют, пьют, восхищают, слят, участвуют в манифестациях и священномействуют, — и я, как и все, не имею минуты свободной, чтобы набросить несколько строк в блокнот и привести свои мысли в порядок. Речь совсем не идет о том, чтобы сказать худое о прошлых фестивалях, просто я убежден, что нынешний фестиваль — это фестиваль нового типа и что он богаче прежних.

Причиной, позволившей сформировать — особенно в странах с антикоммунистическими правительствами — весьма широкие делегации, послужило, несомненно, то, что местом фестиваля была выбрана Москва. Друг ты или враг, но по самым различным причинам Москва всегда казалась фантастическим местом, и от такого приглашения не откажешься. И каждый приехал сюда, чтобы найти подтверждение своей позиции «за» или позиции «против», и каждый впадал — по крайней мере в первые дни — в преувеличения: антикоммунисты закрывали глаза на самые ослепительные свершения и гонялись за каждой соломинкой, чтобы превратить ее в бревно; сочувствующий, отметая из чувства противодействия вслую критику в адрес представителей любви, предавался таким панегирикам, что это озадачивало даже советских людей.

Я частенько посмеивался во Франции над товарищами, которые на совершенно точные вопросы, закрыв глаза и вытянув ладони вперед, отвечали сакраментально: «Все были вызваны к жизни и оказались возможными во время самой встречи, во время самого фестиваля...»

Берлине и Бухаресте я видел, как обнимаются люди, чьи страны воевали между собой, на которых сами боролись за мир; в Москве я видел, как беседуют люди, которые у себя в стране воюют между собой — и часто делают это с полной убежденностью. И это еще более важно: видеть, как беседуют вторые, чем видеть, как обнимаются первые. Достичь этого труднее, но это более действенно.

Я встретил представителей Израиля. Их двести человек, и они образуют одну единую делегацию, что уже само по себе чрезвычайно важно. Сто из них — сионисты, приверженцы Бен-Гуриона, порой свирепо ненавидящие арабов, отказались поглядеть даже советских людей.

Я частенько посмеивался во Франции над товарищами, которые на совершенно точные вопросы, закрыв глаза и вытянув ладони вперед, отвечали сакраментально: «Все были вызваны к жизни и оказались возможными во время самой встречи, во время самого фестиваля...»

Я частенько посмеивался во Франции над товарищами, которые на совершенно точные вопросы, закрыв глаза и вытянув ладони вперед, отвечали сакраментально: «Все были вызваны к жизни и оказались возможными во время самой встречи, во время самого фестиваля...»

Во-первых, мало готовился, а во-вторых, меня подвела погода. Может быть, исландцы, например, казались, что Москву очень жарко, но для меня температура была непривычной. Наверно, поэтому я не смог преодолеть шестнадцатиметровый рубеж, а это я считаю минимумом для каждого классного прыгуна.

Жаль, конечно, что да Сильве не удалось этого сделать. Но тем не менее он продемонстрировал, что качества, которых зачастую не хватает самым талантливым нашим спортсменам. Я говорю о стабильности, устойчивости результатов, что является единственным критерием класса спортсмена. Почти во всех попытках да Сильве был близок к своему лучшему результату — 15 метров 92 см. Он припал на 15 м 75 см, на 15 м 88 см и так далее.

Этот смысл его выступления было для всех спортивного весьма поучительным.

То, что игры были для их участников очень хорошей школой, подчеркивают едва ли не все спортсмены. Таково мнение

четырнадцатилетней французской баскетболистки Анн-Мари Сафорж — самой юной участницы игр. Такова же точка зрения братцев-близнецов из швейцарского города Лозанна Жана и Вильяма Шэса, мерившихся силами на ковре с лучшими борцами мира.

Были, разумеется, среди участников и такие, которые не столько учились сами, сколько учили других. Пожалуй, в первую очередь это относится к венгеру Золтану Бернику. По профессии он железнодорожный служащий, а его спортивная специальность — настольный теннис. Берник играл в Москве блестяще. Недаром президента Международной федерации настольного тенниса г-н Айвар Монтею считают венгра третьей ракеткой мира. Кстати, в Москве Бернику исполнилось двадцать лет, так что две золотые медали, завоеванные им на играх, оказались хорошим подарком ко дню его рождения.

Наши гости, особенно те, кто впервые побывал в Москве, говорят в один голос, что советская столица по количеству и качеству спортивных сооружений занимает одно из первых мест в мире. Это, конечно, очень лестно слышать, но все же мне хочется привести здесь слова одного французского журналиста, который заметил, что если бы у нас существовал спортивный искусственный канал для состязаний гребцов (такие каналы есть в ряде зарубежных городов), то спортивную экспицию Москвы можно было бы считать завершенной. В самом деле, гребцы, а тем более показывать высокие результаты на воде Химкинского водохранилища не так-то легко.

Жаль, что дружеские игры уже заканчиваются. Этот фразой, подслушанной в минувшую субботу на трибунах Центрального стадиона имени В. Ильина, мне и хочется завершить эти строки. Да, жаль, конечно, что третий дружеские игры молодежи стали уже достоянием спортивной истории. Но ведь впереди четвертые!

верженцев, чем недругов. Оно и понятно! Сильных людей у нас достаточно.

Что же касается травяного хоккея, то, хотя мы культивируем его недавно, вряд ли было целесообразно отказываться от участия в турнире. Вполне вероятно, что наша команда не стяжал бы особых лавров. Но ведь и в состязаниях по ручному мячу советские спортсмены выступили не слишком успешно. Это, может быть, не очень приятно, но зато полезно, как говорят на ошибках мы учимся.

Наши гости, особенно те, кто впервые побывал в Москве, говорят в один голос, что советская столица по количеству и качеству спортивных сооружений занимает одно из первых мест в мире. Это, конечно, очень лестно слышать, но все же мне хочется привести здесь слова одного французского журналиста, который заметил, что если бы у нас существовал спортивный искусственный канал для состязаний гребцов (такие каналы есть в ряде зарубежных городов), то спортивную экспицию Москвы можно было бы считать завершенной. В самом деле, гребцы, а тем более показывать высокие результаты на воде Химкинского водохранилища не так-то легко.

Жаль, что дружеские игры уже заканчиваются. Этот фразой, подслушанной в минувшую субботу на трибунах Центрального стадиона имени В. Ильина, мне и хочется завершить эти строки. Да, жаль, конечно, что третий дружеские игры молодежи стали уже достоянием спортивной истории. Но ведь впереди четвертые!

И. БАРУ

Люди. Спокойно, почти бесстрастно рассказывают они всяческому, кто приходит повидаться с ними, как проходила эта расправа. Они отвечают на вопросы. На все. Так пересматриваются представления о национальных событиях в Венгрии — представления, полученные в Париже, Лондоне и Риме. Разумеется, после подобных бесед с сторонниками «славных повстанцев» не начинает сразу же считать их всех фашистами, но он не может больше называть «полицейскими — палачами» этих юношей, тяжело раненных, еще живых, оправившихся после пережитого ими кошмара. Сомневающиеся рукой прикоснулись к венгерской действительности — в самом конкретном смысле этих слов, как Фома неверующий погрузил свой перст в рану Христа.

Шаги, сделанные в Москве, не широки, но это — отнюдь не шаги на месте.

ШАГИ гостей, посетивших Кремль, будут долгим экзаменом знать в соединении соответствия величию: они черпают свое звучание в глубине веков древней Руси, в величестве этого слова, словно отлитого из меди: Кремль. Для одних он звезды небесного звоном, для других — благовестом. Многим из делегатов удалось прожить одну из московских, кремлевских ночей с прожекторами, фейерверком, пушечными залпами и звуками фанфар — увидеть зрелице, приготовленное для них в декорациях восточной сказки, многие пересекли эту тысячу и вторую ночь. Другие смогли ветром 5 августа почуять под открытым небом вместе с Хрущевым, членами правительства и руководителями Коммунистической партии Советского Союза. Одни привнесли туда любопытства американского телевидения, другие — братскую теплоту и доверие, но все опустили, что это — редчайшие минуты на одной из вершин всемирной, со взглядом, устремленным в будущее.

Москвичи испытывали гордость, видя свою древнюю Кремль — открытым — и открытым не только для своего народа, но и для представителей молодежи всего мира. В народных проявлениях дружбы по отношению к делегатам фестиваля, в порывах, которые далеко превзошли не только по силе выражения, но и по своей внутренней, скрытой силе все то, что было на фестивалях в других столицах, многие увидели не только энтузиазм, обычно присущий этому типу международных встреч, но также и радость советского народа, на который таил до гибели наложен карантин, — а теперь весь мир отдает ему визит. И, несмотря на клевету и на преследование в адрес посланцев, все страны познакомились с этим незнакомцем, с советским народом.

Даже самые лучшие советские романы, даже самые реалистические советские фильмы не могли дать такого волнистого образа величия и самоотверженности этого народа, как стихийно возникнувшие беседы, разговоры на Красной площади.

Шовинизм и фанатизм сильно пострадали за эти две недели. Одни из израильтян сказал мне, смеясь:

— Я прочитал мой «документ». Итак, если начнется война, я бегу к своему послу, щелкаю пальцами, и говорю: а вот и я. Потом я беру револьвер, иду на площадь Маяковского и — пиф-паф!

Это было уже в последние дни, и именно фестиваль сделал возможным такое критическое направление мыслей в его голове, такое отношение к инструкциям своего правительства.

Шовинизм и фанатизм сильно пострадали за эти две недели.

Было бы несомненным упрощением, однако, утверждать, что международные вопросы уже урегулированы, что отныне «все к лучшему в этом лучшем из миров». Но многие не смогут отыскать, что они говорили прежде: что все к лучшему в мире, который является чуждым для них. И, вспоминая об этом

моменте, они будут ощущать легкую грусть, словно тоску по родине, окраину в музыкальные тона и чудесно пропитанную мотивом «Мир и дружба».

«Железные» убеждения были поколено материальными доказательствами, необычайно прямыми и непосредственными. Например, некоторые студенты, считающие будапештских контреволюционеров славными героями, а защитников осажденного городского комитета партии — полицейскими-убийцами, получили возможность встретиться с Йозефом Фаркашем и Лайошем Шомоди, двумя из этих защитников, которых можно узнать по фотографиям из «Лайфа» (обладавшим весь мир), где изображены расправы без суда и следствия на улицах Будапешта. Фаркаш и Шомоди чудом удалось выжить, после того как они были расстреляны.

МНОГИЕ из нас ожидали, что после XX съезда, после дела группы Молотова, Багановича, Маленкова мы увидим советских людей погруженных в задумчивость, озабоченных, взволнованных, взволнованных, взволнованных. Найдутся такие, кто станет говорить о фатализме, о коллективном отупении, но неизбежно то, что большинство заладится на этом, как и на многими другим. И именно фестиваль вызвал к жизни эти раздумья, фестиваль, который снабжает не аксиомами, но ключами к истине людей разумных и честных. В Москве даже самые облезлые убедились, что народы могут разговаривать между собой не только на языке штуков.

Потому что на языке штуков неизбежно то, что народы могут разговаривать между собой не только на языке штуков.